

Кобзев Н.А.

ВНУТРЕННЕЕ СЛОВО О БЫТИИ ЗА ГРАНЬЮ СИМВОЛА.

Человеческое "я" для М. Волошина есть саморазвивающийся субъект, универсальная "вселенная". Мир человека представлялся ему на грани двух сфер существования – мира эмпирического, материального и мира духовного, космического, праисторического. Совершая свой жизненный путь, человек неизбежно возвращается к своим праистокам. Мысль о космической жизни, вмещенной во внутренний мир человека, становится центральной осью поэзии М. Волошина.

Символический мир бытия открывает себя в поэтическом цикле "Звезда Полюнь" (7). Зрительная образность цикла уходит от объективных "свидетельств" реальности к изображению реальности того, что является лишь неуловимым касанием духа, – к показу медитативного сознания личности, размышляющей о вселенски земной истории, мировых абсолютных началах, надысторичности и эпохальности человеческой миссии, о душевной и духовной сути как взаимодействия Смерти и Жизни, всего неумолимо уходящего и неизбежно вечного.

В основу символической системы М. Волошина проникает образ, позволяющий разглядеть и осмыслить взаимозависимость всего во вселенной. Этот "прозреваемый" образ становится самым эффективным инструментом познания. С помощью творческой мысли поэта мы попадаем в некое сверхпространство жизни, где художественный образ становится первой необходимостью действенного взаимодействия человека с миром, а метафорика, выходящая на символ, позволяет найти связь между далеко отстоящими друг от друга явлениями, зримым и незримым, естественным и запредельным.

В символическом слове М. Волошина царит скрытое сопряжение всего существующего. Оно объемлет и мир во вне, и внутренний мир человека. Оно позволяет рассмотреть самого человека как определенную связь реальности с безмерностью вселенной и ее духа. Отсюда некая внутренняя одухотворенность строки в цикле "Звезда Полюнь", позволяющая направить восприятие читателя к тому, что он в своем сердце замыкает как историю Земли, так и историю Вселенной. И "Сатурн", и "Солнце", и "Луна" наиболее высвечивают свою ролевую сущность в этой связи мира и человека.

Благодаря звездной глубине поэтического языка, каждое стихотворение осознаётся как отражение застывшего вне времени мгновенья внутренней жизни. Космос – часть тебя, соприродная библейским мотивам, которые, однако, редко непосредственно высказывают себя в прямом луче символа, но незримыми осевыми нитями проходят через всю поэтическую ткань цикла. Поэтому мистическая и теософическая трактовка каждого стихотворения, будь она выражена в каменной надписи "пещер времени", или в мифической древности, вмещенной в страннolюбивый взгляд "влажных нимф", будь она самим голосом "пращура Лун и Солнца", или самим глаголом из плоти и крови, слепой от распахнутой яркости "святого ока дня", – она всегда обращена к притчевой сути горечи "Звезды Полюнь", её библейской символике, сквозь которую должно произрасти спасительное "Слово", возвещающее о том, что "пребывающие в любви пребывают в Боге, и Бог в них" (1, гл.4, ст.16), что в его космическом теле "все мы – члены друг другу".

М. Волошин глубоко проникается тем, что человек, постигая мудрость жизни, не должен обходить в своем духовном росте Слово, которое восходит к Новому Завету Христа, утверждающее, что люди, "возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего во всех", безмерно совершенны к бессмертию и едины с Космическим разумом и духом: что несовершенство человека – в первородном грехе, следствие которого – проклятие временем и смертью. Их сферическое воздействие является через зеркальность символического мира каждого стихотворения. Обозревая настоящее просветленным взглядом, поэт признает, что в жизненном творчестве мира внутреннего Слово – единственная нить этой высшей связи человеческой души с космическими законами.

Ко времени написания цикла "Звезда Полюнь" духовно-религиозное восприятие мира в себе М. Волошин определил так: "Христианство мне из религий дальше всего. Мне Буддизм и Олимп ближе" (4). А в автобиографии уточнил: "Я язычник по плоти и верю в реальное существование языческих богов и демонов, и в то же время не могу не мыслить вне Христа". Такими взглядами и объясняется тесное переплетение христианства, древнегреческого мифа и теософии, отчетливо определяющее поэтическую плоть цикла "Звезда Полюнь".

Обращаясь в первом стихотворении к Новому Завету, М. Волошин пресуществляет его Словом весь смысл символической образности цикла. Символ "Христа в себе" прямо своего лика не выказывает, но незримо разливается по всей поэтической ткани цикла "Звезда Полюнь", опрозрачивая собой и антропософическую и мистическую структуру изображенного. Ибо Слово Христа – не только субъективный символ личного сознания поэта. Он разрастается внутри, объективируется, расширяется на все земное пространство и на всю вселенскую душу Космоса.

Сущность Слова в первом сюжете цикла "Быть черною землей..." поэт понимает как реализацию творческих возможностей человека. Оно указывает ему путь к вечности через восприятие вселенского опыта ("Раскрыв покорно грудь, / Ослепнуть в пламени сверкающего ока"). Творец обязан признать Слово как главенствующую истину, физически ощутить его, став "вспаханной землей", т.е. открытой к восприятию великого семени жизни. Творчество движется по двум путям: ты сам творишь, но и тебя творят, а потому ощущаешь, "как плуг, вонзившийся глубоко в живую плоть, ведёт священный путь".

В то же время поэт понимает, что жизнь творческого духа не может быть оторванной от жизни эмпирической, протекающей во тьме. Эти две категории нельзя разъединить, ибо через обретение их в себе и начинается реальность связи Земли и Неба, предопределяющей акт рождения "свыше". Известно, что в произрастании зерна заключается будущее произрастание, именуемое как протяженно единое в апокалиптическом послании. В глубь

тьмы, в новую протяженность тьмы уходит семя. Поэтому ночной голос созревающей ржи открывает сердцу поэта тайну "голых зерен" (2, гл.15, ст.37), тайну, позволяющую увидеть сам источник богатства внутреннего мира. Поэт смело раздвигает рамки жизни, выходя из физических границ, и в упорном труде духа организует свое сознание, чтобы оно могло вместить неведомые новые понятия. Через них поэзия невидимого мира и насыщает творчество Волошина, которое несет с собой преображение, становясь взаимотворческим с жизнью, обретая в Слове поэзию мироздания.

Такой встречный поток мировых творческих сил вводит нас в поэтическое пространство этого Слова, через которое кажет свой символический лик стихотворение "Я шёл сквозь ночь" – второй сюжет цикла. Согласно религиозно-эзотерическому истолкованию, Смерть по природе "греховного закона" будет поглощена победой (2, гл.15, ст.56). Уточнения ради напомним, что это произойдет тогда, когда тленное облечется в нетленное, а смертное облечется в бессмертное: "Ибо тленному сему надлежит облечься в нетленное, и смертному сему облечься в бессмертное" (2, гл.15, ст.53). Поэтому в стихотворении огневая символика и ночная безмерность смерти проходят сквозь параллельное пространство ее природы. Образ тьмы (или ночи) как символ неведения и невидения не выходит за рамки своей смысловой очевидности. "Кто ходит ночью – спотыкается, потому что нет света с ним... и не знает куда идет, ибо тьма ослепила ему глаза" (1, гл.2, ст.10). Это с одной стороны. С другой, – эта символическая и метафорическая образность нисходит по воле поэта в мир, чтобы достичь нового узнавания в новом виде вещей. Здесь человек не является существом, подверженным законам смерти. Он не блуждает вслепую по жизни. А проходит "сквозь ночь" своего мира, как через огненное очищение от "проклятья всезнанием" – этой смертоносной перипетии огня познания, энергией которого распоряжается князь тьмы, ибо язык пламени – его язык.

Но есть и другой огонь духовного познания, не пожирающий извне, а животворящий. Это огонь пепелящего созидания, очищающий душу, дарующий ей преобразующую энергию творчества; тот пламень и горение, который связан со смертью и сотворением, как с зародышем истинной духовной жизни человека (семенем-Словом), таящимся во тьме – чреве ночи и осеняющим акт рождения самосожжением этого "слепого" тела к смерти во плоти её.

Такая внутрисмысловая символическая линия, обрамляющая огневую сущность образа первых строк стихотворения, затем выступает в нем рельефно, отражая два плана человеческой жизни – души "перстной" и души "небесной". И той и другой отведено определенное в символическом пространстве. У первой ("перстной") – ее протяженность и глубина самопознания не выходит за складки земных морщин. "Небесной" душе отведена широта внутреннего видения, обозревающего, как жизнь и смерть (в обычном нашем смысле) все время чередуются в нас. Лишь синтез их, их единство и образуют истинную жизнь. Этот образ отстаивается в "ритмических волнах" (по тексту) вечности – в этом вдохе и выдохе космического дыхания. Вслушиваясь в речь каждой строки, мы можем "услышать" пульсацию Вечности, вмещенной в человеческое сердце, что позволяет ощутить в теперешней его жизни пульс Единой Жизни. Этим глубоко проникая дух поэта, обозревая, как через биение человеческого сердца сгущается космическая энергия бытия, посылая едва уловимый импульс некоей надысторической Памяти, замыкающей в себе историю Земли и историю мира Вселенной.

В одном из писем к А.М. Петровой Волошин писал о стихах "Кровь" и "Солнце": "Человек древнее Земли и жил раньше на других планетах и что кровь возникла на той планете, что была древнее Солнца... Кровь знает больше человека и помнит сокровенные тайны мироздания" (5), что внутренняя жизнь человека сопряжена с внутренними законами мира планет солнечной системы, что при "разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в этой планете. Кровь – трагедия Сатурна. Зрение и ощущение – трагедия Солнца. Пол – трагедия луны" (6).

Стихотворение "Кровь" писалось под впечатлением лекций Штейнера Р., который утверждал, что человек в своей крови совокупляет неуправляемое множество, что существование его бытийного сознания – существование фрагмента и фрагмент этот – только одна из сфер бытия. Но это существование воистину стонет от разобщенности своих сферических "я", находясь на цепи между проклятием в смерть и пролитием жертвенной крови к приобретению второй смерти – в жизнь. С первых строк ясно, что человеку нужны духовные усилия, чтобы вспомнить, кто он: в чем он раб, в чем господин, где его дом, где его плен, чтобы различить свой собственный лик. Поэт поверяет мысль молчанием, "пригнув ухом к тишине", дабы услышать голос крови, пульсирующий между этой космической тишиной и мятущейся памятью.

Вслушиваясь в тревожно стучащий дух глухой крови, поэт перекидывает нить памяти от божественного начала рода человеческого и до жертвенника "праотца всех убийц" (так Волошин называет Каина), через кровавый дух которого плоть людская уверовала в "слово" слепого разума – этот глухой глагол из плоти и крови, внимая которому, человек претерпевает скорбь от собственной глубинной самотождественности, порождающей пространственного двойника, в "зловещих откровениях" которого "тьма горит", но "света нет". Ибо откровение "слепого двойника", т.е. самотождественности, еще не есть просветление, как и совпадение с самим собой – не выход к Единству. Это лишь совпадение в точке условности всех возможностей жизни человека с его назначением. Но человек должен выбрать такую условность, которая стала бы условием его возвращения к Единству, иначе его сущность будет сливаться с её упрямой и трагической копией "Эдипа", посланного "во тьму кровосмешений к соприкосанию алых жал". Отсутствие Единства – основа к появлению пространственных двойников. Все они мученики в одном, одно святое причастие, живая перстная и живая огненная плоть. Это причастие общим вселенским телом Вечности с его священной и трагической "сатурновой кровью", сгустившееся "звездным соком", что "темным языком лепечет в венах глухо". Все эти мученики в одном воздвигают высшую

истину: кровавого духа человека не умертвить без страдальческого умерщвления "душевной жизни" человека, созданного для "второй смерти". Его испытания – его жертвенная кровь – за кровь Авеля. В финале стиха она обретает протяженный образ – в развернутой метафоре движения "властительной и гневной" крови, которая в следующем сюжете "возвращается" к своему "сатурновскому" истоку.

Священнодействие Слова и сева незримым воздушным пространством охватывает весь символический мир каждого стихотворения, объединяя их в поэтический цикл, сквозь который и прорастает зерно одушевляющего духовного знания, освобождающего человека от магии трагедии каждой планеты.

С первых строк сюжета "Сатурн" мы входим в его пространство, отмеченное эхом своего происхождения. Сатурн – для латинян семя, посев. Проникая в судьбу имени планеты, душа Волошина выходит за пределы "тверди видимой" и в "небе времени" созерцает зарождение семени человеческой жизни до того, как оно приобрело земную весомость. Иначе говоря, поэт отсылает природу человека назад, к её внеземному происхождению, к пращуру Лун и Солнц – "вселенной Сатурна". Судьба человека не может избавить его от влияния сатурнового пространства, ибо истечение его жизни, как истечение его крови, находится в русле сатурновой реки "священной крови", вытекающей в Долину "дымных" снов и дремоты.

Сатурновое пространство породило на Земле из черного слепого огня страстей человеческой плоти и её мятежной крови – ваяло смерти – Время. Его же тайный смысл является праросновой сатурновой символики сюжета, сквозь которую видна вся человеческая история, позже глубоко освещенная в "Путях Каина": "Костер из зверя выжег человека, сплавил кровью первую семью... И человек сознал себя огнем, заклепанным в темницу тесной плоти"...

В стихотворении "Солнце" поэт сам начинает говорить с голоса своей крови. Он прислушивается, как в разгоряченной ее речи вскрывается второй скрытый смысл каждого слова-образа, обращенного к солнечной природе человека. В ее символике поэт утверждает, что мы не в переносном смысле дети солнца, а в буквальном смысле: дети Солнца – мы. Волошин настолько проникся этой сутью, что поэтическая ткань стиха предстает как бы сотканной из световых солнечных элементов. Мы ощущаем потоки того света, который наполняет природу человека, преобразуя её в сияние "белого бриллианта". Согласно религиозным учениям Востока, первоначальный путь познания истины лежит через сердце, аура которого должна излучать белый свет. У Волошина – "пронизан зрением, как белый бриллиант".

Трагедия Солнца – потеря внутреннего зрения человека. Ему – Солнцу – подвластна незримая структура чудес, недоступная внешнему глазу, чьё зрение сводится лишь к видимому миру. Ярким обликом его и ослепляется пробужденный разум. Забыв о всезримости своих огромных "чувствилищ", он вместо того, чтоб истину увидеть изнутри, стал домысливать её извне. И "святое око дня" отвернулось от человека, и он попал в неизмеримую протяженность темноты: "Но ты, всезрящее, покинуло меня. / И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи. / И вот простерли мы к тебе – истоку Дня – / Земля свои цветы и я – слепые очи".

Известно, что солнечный огонь как символ жизни – одно из центральных видений в эзотерических сферах поэзии Волошина. Эта же идея и лежит в основе светообраза последних строк стихотворения:

Но я в своей душе возжгу иное око
И землю подведу к сияющей мечте!

Здесь солнечный огонь как исток Дня рассматривается и как образ неистощимой энергии Жизни, вне которой может существовать только Смерть. Именно потому её жизнь – тень, а её плоть – огниво мрака. Такая внутрисимволическая связь между образом и знанием обращает нас к человеческому сердцу как внутреннему – "иному оку", этому срединному огню, пока "блуждающему" между тенью (смерти) и "лучами призывными" солнечной энергии.

Солнечность и лунность для поэта – это не производные категории от имени объектов, а две начальные функции жизни, как выявление двух её полюсов, в едином свете которых нет принципиального противостояния добра и зла. Каждый из них облекается в свою солнечность и лунность, как в луч познания и обретения друг друга в себе, в собственной природе противостояния. Волошин видит сопричастность друг другу света Жизни и света Смерти. Сопричастность не только как источник творчества самой жизни, но и как путь обретения человеком через свою противоположность своей личностно-духовной сущности. Путь, сводящий ее воедино в мучительном движении от "я" к "ничто" и от "ничто" к рождению. Сердце поэта чувственно созерцает лунный и солнечный лик сущностной тайны мира и человека. К этому и стремится эзотерический язык символа. Семантика символа выходит за пределы одного слова и распределяется по всему тексту. Сам текст стихотворения становится большим словом. Это хорошо ощутимо в двух последних стихотворениях цикла.

В "Гроте нимф" образ пчелы как солнечной частицы является символом совершенного творчества. В нем прозревается, обретается и отстаивается "мед" Жизни, преисполненный вещим духом.

Известно, что Эрос замыкает все сущее в круг. Земной период жизни человека – лишь незначительный отрезок его вечного существования. Оно же достигается лишь совершенной любовью к жизни. Духовную суть её поэт "хранит" в "сияющей амфоре", которая содержит в себе "тайной Эроса" "вещий мёд". Здесь тайна изобилия духовной пищи к воскресению, ведущему из преходящей жизни в непреходящую. А это тождественно христианской идее воскресения-приобретения "жизни вечной". Поэтому внутреннее содержимое "сияющей амфоры" поглощается производным от нее свечением чаши тайной вечери. Медовое изобилие духовной пищи преисполнено священно-жертвенной кровью Иисуса Христа.

В стихотворении Волошина Эрос – по существу, символ небожительства земного, земное воплощение небесного идеала. "Любовь и мудрость – вот закон Вселенной, – гласит восточная максима, – через Любовь

спасение человека, через страдание – возвышение его”. Люби и страдай. Именно такой любовью должны быть окружены мы, именно такой любовью должны быть подняты мы над “бездной хаоса” и “огненного моря”, чтобы избавиться от каменной вечности своего физического естества – этой плоти времени. “Люби и страдай” – это священнодействие Жизни. “Любовь – тропа одним, другим дорога – горе”. За первым – Жизнь, Радость, Вечность. За вторым – Страсть, Страх, Смерть. А сам человек – это луч, окутанный мраком пещер. Поэтому Волошин обращается к изгнанной во времени душе человека: прозреть в себе этот луч – сущность Жизни, образ которой отбрасывает свою поэтическую тень на “Священный Грот”, превращая его в символ проникновения... вовнутрь всего, что светится во мраке, символ плоти и тайны. Если смерть – это тьма, то бессмертие – это тоже тьма, неистощимым ключом брызжащая из тела. Не трудно понять, что тайна любви нимф, превосходящая людскую силой прозрения, и есть тот высеченный тьмой из камня луч, который способен прозревать и то, что находится за очертанием смерти.

Говоря о сюжете “Луна”, напомним, что мистики считают Луну главным источником энергии для всех процессов, происходящих на Земле. Она управляет не только приливами и отливами, но и сменой времен года, ростом флоры и фауны, расцветом и упадком цивилизаций. Современная наука тоже отводит Луне огромную роль. Для Земли она является как бы зеркальным отражением электромагнитного воздействия Солнца. Более того, не будь Луны, жизнь на Земле была бы исключена. “Так уж распорядилась природа: создав Луну, она обеспечила условия для появления разума, носителем которого в большей степени и стал человек” (3, с.90). Это говорит о большой проницательности поэта, который нашел то солнечно-лунное переплетение космических лучей, которое определяет живую ткань во тьме круговорота. Волошин проникается тем, как лунность, разливаясь по водам жизни, озаряя их, побуждает каждого к раскрытию собственных глубин, к собиранию “Диане бледной”, “яростной Гекате” выкупа за познание, пережитое во сне, выкупа, predeterminedного каждому “сквозь мглу” его “распятый”. Пока мы находимся во власти сна, наша солнечная покинутость идет потребовать у “бледной” и “яростной” предвестницы своё лицо, “ в бреду морщин и впадин”, или хотя бы рану, отмеченную её ледяной метой. Поэтому сердцу поэта “и сладостен и жутко безотраден алмазный бред морщин твоих и впадин, Твоих морей блестящая слюда” в лунном мире, потусторонне соприродном незримому миру отверженной земной душе человека.

Вся его чувственно прожитая земная жизнь вмещена в “седой кристал”, упроченный застывшим огнем, но в мистической “солнечности” камня отстает образ холодного солнца ночи. Поэтому лунный свет, как стылый огонь, “хрустальный труп”, прослеживается по всему пространству пейзажного смысла образа.

В цикле стихов “Звезда Полюнь” Волошин, внимая Апокалипсису и подключая сердце ко всему живому, глубоко проникается полынью судьбою земли. Ибо вкусившие из её временных “истоков вод” знают горчайший их вкус. Проницающий время взгляд поэта скорбит о том, что в горячей душе жизни нашей еще не открылось “око света”; что в земном понимании истины – Люби и Страдай – обретается твердое убеждение камня, затерянного в пещерном мраке времени, сквозь своды которого проглядывает наша покинутость, что в “водных глубинах” сознания человек может жить в смерти и умереть в бессмертии.

Проникаясь полынью запахом предвестья, поэт Жизни обретает путеводную нить связи с Космосом в своей крови. Ею мы и связаны с нашим солнечным происхождением в “багровой тьме рождавшейся вселенной”. Изливая эту кровную связь через весь цикл “Звезды Полюнь” и следуя за нею из “бездны хаоса сквозь огненное море в пещеры времени”, поэт подводит скитальческую душу человека к “Священному Гроту”, направляя на путь познания и прозрения в божественную суть истины – Жизнь есть Любовь. Она не доступна стихийному земному разуму, в известном смятении духа плененного вещественной оболочкой не только тела, но и мира, поглощенного мраком мглистых пещер времени. Здесь сознанию человеческому не проникнуть, не просочиться в подземные глубины без целительной влаги “страннолюбивых нимф”, их гипнотической грации чувств, сонливо-трепетной таинственности. Пробуждающееся око ясновидения в сердце, исполненное любовью, обретает в глазах влажной нимфы пространство созидающего мрака тайников. Оно наделяет поэта талантом овладеть внутренним словом о мире и самим миром. Поэтому слово поэта даёт возможность в значительной мере проникнуть в символику Жизни, отражающую идею Космоса и человека. Многозначность символа позволяет поэту проникнуть за грань осязаемой реальности мира, вскрыть таинственную сущность незримого. В цикле “Звезда Полюнь” такой образ-символ вскрывает различные “планы” вселенной, пронизывая внутреннюю реальность человека лучами неземного света.

Через всеобъемлющее сердце поэта мы по-новому воспринимаем содержание поэзии, ибо в ней по-новому увидели вселенную, в которой “субъект” и “объект”, человек и мир слиты воедино, составляя такую объективную реальность, которая становится реальностью, воплощенной в человеке как единое целое, замыкающее в своём сердце всю полноту мироздания.

Поэтическая ткань цикла выявляет тончайший внутренний мир поэта, вселенская душа которого являет нам вдруг свою прозрачность и становится незримой, растворяясь в вечности Вселенной, и всезримой, когда Вселенная растворяется в ней.

Таким образом, верховная истина, открывшаяся поэту, может даровать поэзии высшее знание, наделив её движущей силой протяженности и длительности Слова, в пространстве которого мы ищем приближения к звездным тайникам совершенства души человеческой, неизлитоному свету бессмертия.

Список литературы:

1. Благая весть. Новый завет. Первое Послание Иоанна.
2. Там же. Послания Апостола Павла. Первое послание к Коринфянам.
3. Кательник Д.А. Лунные ритмы // Природа и человек. – 1985. – №6.
4. Письмо М. Волошина к М. Сабашниковой от 4 октября 1905 г. – Дом-музей М.А. Волошина (далее – ДМВ), ед. хр. 913.

5. Письмо М. Волошина к А.М. Петровой от 1 января 1907г. – ДМБ; ед. хр. 978.
6. Письмо М. Волошина М. Сабашниковой от 12 ноября 1906г. – ДМБ; ед. хр. 913.
7. Цикл стихов "Звезда Полярная" создавался М. Волошиным в 1906-1907 годах. В название вынесен образ из "Откровения св.Иоанна" (гл.8, ст.10-11). Впервые напечатан в сборнике "М. Волошин. Стихотворения. 1900-1910" и посвящен большому другу поэта А.М. Петровой. – М.: Гриф, 1910.